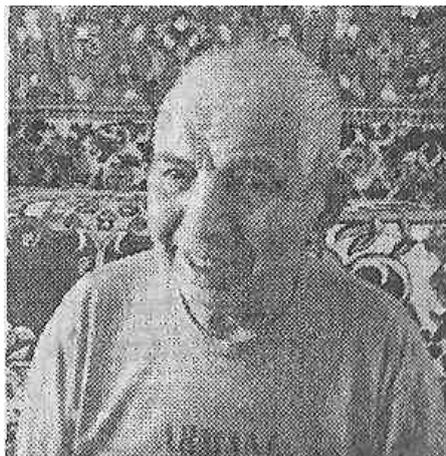

ДАТА. К 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Горький вкус сахарной реки

Чем больше времени отделяет нас от того весеннего дня – 9 мая 1945 года, тем меньше становится их – участников Великой Победы. Меньше становится и тех, кто пережил ленинградскую блокаду.

Не дожил до этой даты и ушел из жизни Иван Федорович Борисов, переживший ленинградскую блокаду. Но память о нем навсегда останется с нами. А еще – его воспоминания.

Иван Федорович Борисов

– Когда я окончил шесть классов, отец послал меня учиться в ремесленное училище. Собрали нас, вологодских, и повезли в Ленинград. Поселили в общежитии, устроили на работу в мастерские завода «Электросила». Я учился на слесаря-инструментальщика, профессия мне нравилась, я быстро освоил теорию и практику. Весной должны быть экзамены, а там-домой!

Но тут началась война, и нас никуда не отпустили, а послали на оборонные работы – рыть противотанковые окопы. Мы рубили деревья и кустарники, ставили их «торчком», чтобы замаскировать рвы, тогда с самолета не видно.

А фронт уже подходил к Ленинграду, слышалась оружейная канонада, немцы наступали. В городе началась паника, бежали все на железнодорожную станцию, но ее уже разбомбили. Помню, мы шли врассыпную, придерживаясь дороги, было очень много людей – взрослые, дети... кто в чем, что успели схватить, а с неба бомбы сыплются, мы в кустах прячемся... Страшное это было отступление.

Но путь назад был отрезан, началась блокада, все вернулись в город. Нас снова собрали на заводе и приказали охранять от зажигательных бомб объект и жилые дома. Как тревога начинается, все население – в бомбоубежище, а мы – на крыши да чердаки лезем. Немец «фугаски» кидал, а вместе с ними зажигательные бомбы. Они небольшие, килограмма на два каждая, но пожару надевает, если ее вовремя не обезвредишь. Причем это надо было делать быстро, а бомбы – горячие, так мы их клещами хватили и в бак с водой или в ящик с песком втыкали. Голодно было, мы получали по 125 граммов хлеба в день, а какой хлеб-то был, в нем больше целлюлозы, чем муки. Люди варили клей, ели траву, в округе не осталось ни одной собаки и кошки, птицы перестали летать, их тоже съели. За водой ходили на реку, топили «буржуйки» мебелью, книгами и всем, что могло

гореть.

А когда загорелся продуктовый склад в Бабаевском районе, он был единственный на весь город, сколько там народу собралось! Люди повалили забор, все рвались чуть ли не в огонь, кто с котелком, кто с ведром, кто с бидоном. У меня была сумка с противогазом, так я ее тоже приспособил. Правда, расплавленный, жидкий сахар, который разливался рекой, я не смог зачерпнуть, но сладких камешков набрал. Мои товарищи по училищу тоже их набрали. Долго мы их сосали, потом весь пол в общежитии скрежетал от земли, которую мы выплевывали. Никогда мне не забыть этот вкус сахарной реки.

Кто-то выживал, кто-то умирал, но жизнь продолжалась. Мы работали на заводе, у многих сил не хватало, так их привязывали веревкой к станку, чтоб могли стоять. А в 42-м году мы перестали ходить на работу, сил не осталась, мы лежали и лежали в комнатах. Общежитие было на шесть этажей, а к концу года в живых осталось лишь на двух этажах.

Когда освободили Ладожское озеро от немцев, нас стали эвакуировать. Мы не смогли взобраться на машину без посторонней помощи, обессилили. Уж плохо помню, как нас везли, машин было очень много, несколько утонули, лед на озере не выдерживал, а некоторые попали под бомбежку. Но первое что я увидел, когда мы прибыли на большую землю, была церковь. Стоит на берегу такая красивая, вся светится. Подумалось мне тогда: «Наверное, Бог меня сберег...».

ЗАПИСАЛА ЛЮДМИЛА КОЛЕСОВА.

Борисов, И. Ф. Горький вкус сахарной реки : [воспоминания жителя г. Красно-турьинска Ивана Федоровича Борисова, пережившего в годы Великой Отечественной войны блокаду Ленинграда / записала Людмила Колесова] // Заря Урала. – 2015. – 28 янв. – С. 17 : фот.